

Оксана Обухова

Невеста по найму

18+

Оксана Обухова
Невеста по найму

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Обухова О.

Невеста по найму / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Замечательный шпион на пенсии Николай Васильевич Шаповалов предлагает сыщице Дусе побыть его невестой, пока он расследует странное самоубийство старинного друга - генерала ФСБ. По сути дела, Евдокия нужна матерому разведчику только как фактор отвлечения, погремушка в глупых розовых бантах. Но события разворачиваются так, что молоденькой сыщице приходится брать ответственность на себя и в одиночку, разом противостоять криминальной группировке и хитроумному убийце...Последовательность историй о Евдокии Землероевой:1. Стоять, бояться!2. В шкафу скелет и крылья3. Плачу любые деньги4. Невеста по найму

Полученные задания и взятые обязательства Евдокия Землероева привыкла исполнять с запасом – на пять с приличным плюсом. Подобное свойство Дуся умная подруга Линка Синицына обзывала синдромом отличницы. Иногда плюсовой запас выходил Землероевой боком и даже задницей, но кармана в общем-то не тяготил: «Лучшее враг хорошего» – идеология для осторожных, считала Евдокия.

Как оказалось, подобные настроения не касались случаев загорания в солярии. С солярием перфекционистка Землероева перестаралась примерно плюса на три. Как только услышала от знатно загорелого Николая Васильевича осторожный намек: «По сути дела, Дуська, мы как бы из Эмиратов только что приехали...», так и побежала перебарщивать. С усердием. Поскольку отставного шпиона (?) Шаповалова Николая Васильевича нынешняя сыщица уважала безгранично, его намеки принимала к действию со всем старанием и юношеским пылом.

В результате чего подпаленная на горизонтальном лежаке солярия голая задница пылала уже совсем не фигурально, а горестно фактически – Дуся ерзала по автомобильному сиденью, колкая шерстяная обивка переднего кресла «Нивы» покусывалась даже через шорты.

Шевелиться было больно, иногда Землероева тихонькой ойкала. Деликатный шпион-пенсционер пропускал эти охи мимо ушей, хотя еще час назад, встречая Дусю с чемоданом у подъезда, Васильевич лицо таки не сохранил: как увидел малиново-свекольные ланиты потенциальной невесты так, попросту сказать, и обмер. Вышедшая из подъезда Евдокия напоминала освежеванного поросенка. Капельку абсурда в картину добавляли злостно розовый цвет чемодана на колесиках и фантастические фиолетовые бантики на босоножках-шпильках. (Хотя тут надо коротко обмолвиться: в отличие от ланит, бантики и чемодан выступали по делу.)

Ума не замазывать ланиты тональным кремом Дусе, хорошо, хватило. Управляя «Нивой», Николай Васильевич порой негромко вздыхал и кричал, но прочих гласных комментарием не делал.

Евдокия на уважаемого дяденьку шпиона даже косых взглядов не бросала. Трагически переживала, что тот корил за себя за опрометчиво сделанное предложение.

Спасая положение, снимая неловкое молчание, Николай Васильевич изничтожил тишину вопросом:

– Пробежимся по именам и датам, Евдокия?

– Угу, – кивнула сыщица. Помедлила секунду и продолжила: – Наша свадьба, Николай Васильевич, назначена на одиннадцатое октября...

– Ошибка, – перебил пенсионер. – Не Николай Васильевич, Дусенция, а Коля.

– Пардон, любимый, – хмыкнул дивный поросенок Дуся Землероева.

...В детективное агентство «Сфинкс» Шаповалов приехал вчера вечером. Приехал по звонку, и потому сыщицкий начальник Паршин и его единственная подчиненная Дуся – ждали. Паршин с деловитой сосредоточенностью, как вероятного клиента, Евдокия со смущенным нетерпением: нынешним июнем шпион-пенсионер и молодая сыщица любезностями обменялись: Евдокия уберегла от смерти дорогих для Шаповалова людей, Васильевич в долгу не остался – спас Дусю от жуткой гибели в огне. И кто из них в той ситуации проявил больше героизма, не ответил бы даже многоопытный отставной капитан полиции Олег Паршин. Евдокия производила реверансы в сторону Васильевича, Шаповалов, не кривя душой, считал спасительницей Евдокию.

Короче, оба были молодцы и brave ребята. Землероева пошла бы за Васильевича и в огонь и в воду.

– У меня друга четыре дня назад убили, – едва присев на стул, без экивоков приступил вчера к беседе Николай Васильевич. – Я был на отдыхе, как только получил известие, тут же вылетел в Москву. Поменять билеты сразу же не получилось, так что на похороны я опоздал, но завтра выезжаю в Н-ск.

Евдокия быстренько представила карту России, мысленно нашла на ней довольно крупный областной центр на юго-востоке отчизны.

– Чем мы можем вам помочь? – серьезно проговорил Олег.

– Да тут, знаете ли, какое дело... – чуть смутился Николай Васильевич. – Мне помощь, собственно, не нужна, мне требуется фактор дестабилизации...

Олег и Дуся одновременно подняли вверх брови.

Кто есть таков Николай Васильевич Шаповалов, сыщики доподлинно не знали. В начале знакомства Евдокия его в лоб спросила: «Вы, дядя, кто? Бывший нелегал на пенсии, военспец или просто – диверсант из ГРУ?» Васильевич тогда отшутился, опытно затуманил девичью головку, ответ оставил за резвым девичьим воображением. (А места для воображения хватало, поскольку Евдокия видела Васильевича в деле.)

И в том, что любая помощь матерому разведчику – без пользы, Олег и Евдокия совсем не сомневались. Вопрос стоял в обратном: в чем заключался интерес заслуженного господина к двум обыкновенным столичным сыщикам?

...Васильевич повествовал. Паршин все больше хмурился. Евдокия ерзала от нетерпения. У Паршина хватало опыта понять, что дело заворачивается круче некуда. Молоденькая подчиненная тихонько била копытом и покусывала удила: готовить рапорты о проказах жен ревнивых толстосумов – занятие малопочтенное, расследовать убийство – мечта любой девицы-сыщицы, воспитанной на детективах Агаты Кристи, Жапризо и славной тетеньки Марининой.

– С Ильей Муромцевым мы знакомы лет сорок. Он был моим наставником, я ему по гроб жизни... – Васильевич вздохнул. Продолжил: – Илья позвонил мне за день до гибели. Узнал, что я за границей, разговор свернул: мол, приедешь домой, поболтаем задешево. Задешево – не получилось.

Илью Владимировича Муромцева, коего вполне оправданно и давным-давно прозвали Ильей Муромцем, убили выстрелом в висок из его собственного наградного пистолета в собственном же доме. Преступник попытался придать убийству видимость суицида, но не хватило опыта, да и медэксперт не лаптем щи хлебал. Большого по сути дела Николай Васильевич пока не мог сказать: «Приеду на место, разберусь детально», – пообещал, и сыщики ему поверили.

Рассказывая о происшествии, Шаповалов достал из портфеля несколько обыкновенных школьных тетрадок в девяносто восемь листов, положил их на письменный стол Паршина и объяснил:

– Эти тетради мне сегодня передала наша общая с Ильей знакомая – Марина Сомова. Сам Илья передал ей свои дневники за две недели до гибели.

– Зачем? – резонно спросил Олег.

– Вот то-то и оно, – медленно, задумчиво кивнул Николай Васильевич. – За две недели до смерти Илья пришел к Марине и попросил ее спрятать тетради у нее в доме, так как часть дневников у него украли. Причем выкрали не все, а лишь последние, написанные за шесть лет. Марине практически через день пришлось срочно выезжать в Москву – сестра у нее тут в больницу угодила, но на похороны Ильи она приезжала и, уезжая обратно в столицу, дневники захватила с собой. Вчера вернулась, сегодня встретилась со мной и передала тетрадки мне. Сказала: «Ты лучше разберешься, что с этим делать».

– Вы их проглядывали? – хмуро уточнил Олег.

– Пока лишь по диагонали, – подтвердил гость сыщиков. – Обычные дневники человека на пенсии. Никаких секретных данных они не содержат, в тетрадях скорее размышления о жизни, какие-то наблюдения... Так сказать, разговор с бумагой по душам.

Шаповалов огорченно помассировал затылок, собрал на круглом лбу с залысинами тугие поперечные морщины...

– У вашей подруги есть какие-то соображения по этому поводу, Николай Васильевич? – подтолкнул задумавшегося визитера Паршин.

– Марина – бывший следователь по особо важным делам, – сообщил Васильевич, – так что соображения у нее, естественно, есть. На похоронах она встречалась с коллегами, разговаривала с близкими Ильи... Тут мне, наверное, надо сказать, что Муромец ушел на пенсию с должности начальника областного ФСБ и окружение у него – соответствующее. Так что дело на особом контроле находится. Но разговоры, ребята, – Шаповалов глубоко вздохнул, – ходят нехорошие. Следствие рассматривает версии связанные с профессиональной деятельностью Ильи, но... все негласно сходятся на мнении – убийство совершил человек из ближнего круга. Вероятно даже – родственник.

– Ого, – негромко присвистнул Паршин. – И отчего же?

– А других вариантов попросту нет. Вместе с Ильей погибла и его собака – овчарка Буран. Пес был отлично выдрессирован и ни за что не подпустил бы вплотную к хозяину вооруженного человека. Илью и Бурана обнаружили во флигеле, где Муромец оборудовал кабинет. Выстрел был произведен с минимального расстояния, убийца даже попытался придать происшествию видимость суицида. Но по раневому каналу и отсутствию порохового ожога на виске медэксперт сразу же установил неловкую реконструкцию. В Бурана выстрелили уже позже, это удалось определить по капелькам человеческой крови, попавшей на лапы и шерсть собаки.

Опытный оперативник Паршин мгновенно представил картину места преступления и задал рабочий вопрос:

– Флигель расположен в отдалении от основного дома? Как получилось, что двойной выстрел не привлек внимания?

Николай Васильевич признал вопрос существенным и дополнил рассказ пояснением:

– Неподалеку от поселка, за леском, находится полигон спортинг-клуба. Если ветер бывает попутным, то звуки выстрелов слышны. В поселке к ним давно привыкли, не обращают внимания.

– Что такое «полигон спортинг-клуба»? – быстренько воткнула вопрос Евдокия.

– Это, Дуся, место, где по летящим тарелочкам стреляют, – прокручивая в голове какие-то мысли, пробормотал Олег и пристально, многозначительно поглядел на визитера: – Родственниками Муромцева там занимаются, Николай Васильевич?

Шаповалов опечаленно покачал головой:

– А с родственниками, братцы, такое дело. У Муромца два сына. Максим дослужился до должности начальника городского Управления внутренних дел. Евгений руководит таможней. Династия. Все сыны на государственной службе и при больших чинах. Снимать следы пороховых газов с рук начальника УВД и его родни... сами понимаете, никто не стал.

– Нормально, – отклоняясь на спинку офисного кресла, протянул Олег. – И как же в такой семье...

Вопросительно построенную фразу Паршин недоговорил. Исподлобья поглядел на гостя, губами и бровями красноречиво поиграл.

– Да я вот и сам думаю – как это? – согласился Николай Васильевич. – Максима и Женю я с детства знаю. Хорошие ребята. Правильные. У Женюки из-за этого даже ряд проблем на службе возникал – неудобный он таможенный начальник. Как Верещагин в «Белом солнце пустыни» мзду не берет, за державу обижается. Но подвинуть сына Ильи Муромца не получалось, династия своих в обиду не дает. – (При этих словах Олег понятливо склонил голову. Дуся изобразила понимание момента, придав глазам глубокомысленный прищур.) – В последнее время, правда, умные головы придумали, как Женю с дороги убрать. Предложили Евгению Ильичу баллотироваться на пост мэра. Но тот пока паузу держит – думает.

– Как у вас там все лихо закручивается-то, – покосившись на ерзающую Евдокию, негромко произнес Олег. – Сплошь начальники и мэры...

– А эти сыновья женаты? – вступила в разговор Землероева.

– Да. Оба. И дети уже взрослые.

– И... как эти жены-дети? Они все тоже при чинах?

Николай Васильевич в нескольких предложениях обрисовал семейное положение Максима и Евгения. Жена полковника УВД – адвокатесса Алла. Причем не рядовая, одна из лучших в городе, до перехода на другую сторону закона много лет работала в прокуратуре. Таможенник Евгений женат вторым браком на очаровательной безработной барышне Терезе.

Относительно внуков Муромца Васильевич почти не распространялся. На момент убийства деда в городе был только старший сын Максима и Аллы – Илья-младший. Он так же продолжил династию, пойдя служить в полицию, сейчас работает «на земле» в чине старшего лейтенанта. Прочие внуки в то время были на отдыхе: старшекласник Сержа в лагере, двоюродные сестры-студентки Ирина и Милена вместе выезжали на Кипр.

По существу же дела Васильевич сказал вот что. Его приятельница Сомова провела в родном городе чуть меньше суток, но, поскольку на должности следователей по особо важным делам не назначают бестолковых теток, узнала многое. Пообщалась с коллегами, расследующими убийство бывшего начальника областного ФСБ, и донесла до Шаповалова собственное мнение: пропажа дневников и убийство, вероятнее всего, звенья одной цепи. И действовал тут – близкий. Николай Васильевич вспомнил, как складывался его последний телефонный разговор с Ильей Владимировичем и согласился с версией подруги.

– Илюша был поразительно тактичным человеком, – мрачно рассказывал гость сыщиков. – Он не любил никому доставлять лишнего беспокойства. Как только узнал, что я с дамой за границей загораю, сразу же начал прощаться: «Приедешь, поговорим предметно и за дешево». Я попытался его остановить, стал спрашивать, что случилось: «Дома или по работе что-то старое проклюнулось?». По голосу почувствовал – Муромец не просто так звонит! Илья ответил странно. Расстроено. Дословно – так: «Да вот, Мухобой, знаешь ли... тут и семейное, и по делу. Все как-то вместе клеится. Крысу я, Коля, на груди пригрел». – Произнеся эту фразу покойного наставника и друга, Николай Васильевич раздосадовано треснул ладонью о стол: – А я еще недоумок пошутил тогда: «На груди, Муромец, не крысу, а змею пригревают»!

Евдокия быстро встала, налила для уважаемого гостя стакан воды, предложила выпить, успокоиться.

– Спасибо, – мрачно поблагодарил Николай Васильевич и пристально поглядел на молоденькую сыщицу. – Перехожу к сути. К просьбе. Евдокия ты не могла бы стать моей невестой и поехать в Н-ск?

Из полуоткрытого рта Паршина свесилась неприкуренная сигарета, прилипшая к нижней губе. Глаза «невесты» превратились в две бестолковые зеленоватые пуговицы, в ответ на предложение Евдокия изобрела неимоверно дурацкий вопрос:

– Николай Васильевич... вас что, Инесса Сигизмундовна бросила?!

– Типун тебе на язык. Инесса в Эмиратах еще неделю загорать будет. Я один домой вернулся.

– А я... как бы...

– Вот именно что «как бы», – не дожидаясь, пока Дуся мысль оформит, серьезно кивнул отставной шпион. – Я уже вам говорил, что мне нужен факт дестабилизации. Муромцевы, братцы, очень серьезно ко мне относятся. И если Илья был прав, и крыса окопалась в его доме, то человек этот может стать нешуточным противником. Мне нужно как-то расшатать, поколебать его прежнюю уверенность в умственных способностях Коли Мухобоя.

– В смысле? – слегка обиделась Евдокия. Намек, что она в качестве невесты – признак старческого слабоумия жениха Мухобоя, оплеуха та еще!

– Ну вот представь, – не слишком отвлекаясь на девичьи рефлексии, продолжил бывший диверсант (или военспец, или нелегал, или кто-то там еще заслуженный). – Примерно три

недели назад я сообщил Илье, что собираюсь жениться. Пригласил на свадьбу, отправил приглашение. Но о невесте ничего не говорил, сказал только, что ее Инессой зовут, а в остальном – сюрприз и тайна.

– Но так я же вам во вну... – Евдокия сбилась на полуслове.

– Именно, – кивнул гость. – Ты годишься мне во внучки. И лучшего доказательства, что я как следует тронулся, придумать невозможно. А если ты, Дуся, еще и правильно ситуацию обыграешь, то и тебя всерьез не примут. При тебе, Дуся, смогут говорить более свободно. Мне глаза и уши там нужны, понимаешь?

– Наверяд ли это выгорит, – вставил Паршин. – Убийца – человек настороженный и не станет откровенничать ни перед глупенькой невестушкой, ни перед умненькой девочкой.

– А мне откровенностей и не потребуется, – жестко произнес диверсант. – Дусе нужно только болтать обо всем подряд и сообщать мне, кто и о чем ее спрашивал. По вопросам я смогу вычислить заинтересованность людей к определенным темам. А уж темы, господа, поверьте, я изобрету в достатке, наживок накидаю всюду. От тебя, Евдокия, потребуется немного – запоминать и слушать. Я один за всеми не поспею, мне надежный человек рядом нужен.

Паршин хмыкнул: в епархии Николая Васильевича подготовленных специалистов по убалтыванию и подслушиванию хоть пруд пруди! А он пришел за девочкой с бухгалтерским дипломом, случайно залетевшей в сыщицы.

Совершеннейшая хрень. Пусть даже эта девочка себя куда как браво проявила. Как ни крути, ни поворачивай, Васильевич просит Евдокию отправиться «дестабилизирующим фактором» в семью, сплошь состоящую из профессионалов сыска.

– Николай Васильевич, – нахмурился Паршин, – вы хорошо подумали?

– Три дня как думаю, – оповестил шпион на пенсии. – Свой дом Илья «бабьим царством» называет. Дуся мне там крайне полезна будет.

– Где-то мы это уже слышали... – пробормотал Олег. Дуся, кивком подтвердила, что у нее похожее дежавю возникло.

Настоящая невеста Николая Васильевича – Инесса Сигизмундовна – была тещей криминального авторитета Саша Миронова. Двух месяцев не прошло – Саша сидел в том же гостевом кресле, что и Николай Васильевич, и говорил примерно то же самое. Дом – бабье царство, вотчина тональных кремов и шелковых чулок, да подросший на его седирах детский сад. Что с этими детьми и бабами делать, уголовник Саша знать не знал, так что подайте ему срочно Дусю! (Которая и перед Мироном ранее умудрилась славно выступить и зарекомендоваться.)

Повторение пройденного уловил и Николай Васильевич. Приподнял левый уголок рта, грустно усмехнулся:

– Ничего похожего с июньскими событиями не произойдет, Евдокия. Обещаю. Ты поедешь в Н-ск не сыщицей, а девочкой-погремушкой в розовых бантах.

– Кто девочку обидит, да? – глухо произнес нынешний начальник Дуси, владелец «Сфинкса» Паршин.

– Олег, Евдокия только гнездышко слегка разворошит, полным идиотом меня выставит, день-два и может отчаливать, – выдержав направленный, тяжелый взгляд капитана, сказал Васильевич.

– Ага! – пискнула «погремушка» Землероева. – А если не успею «поболтать, послушать»?!

Мужчины перевели глаза на воодушевленную будущим заданием сыщицу, рвущуюся в бой за дорогого друга и спасителя. Немного помолчали. Подумали. Рассудочный Дусин начальник поискал в голове аргументы, способные оставить Евдокию в столице под бдительным начальственным крылом. Васильевич, напротив, казалось, уже примерял на голову Землероевой идиотски пышный бант. (Шаповалов в Дусю верил – девочка не промах; в себе не сомневался – он молодую сыщицу уберезет.)

Евдокия же тем временем суматошно составляла план мероприятий на оставшийся огрызок дня, вспоминала, что из собственного гардероба подойдет для роли бестолковой курицы в бантах? «У соседки Зойки есть потрясный чемодан... Попрошу, даст на прокат. Синицына недавно из Турции вернулась, убийственную шляпу привезла... Кое-что в пайетках и стрази-ках придется докупать...» Сочиняя на ходу новый (ослепительный) облик, Дуся не забыла и о главном:

– Николай Васильевич, в дневниках Ильи Владимировича может быть что-то полезное для меня? Вы дадите мне их почитать?

– Да, – подумав, согласился Шаповалов. – В тетрадках есть кое-какие размышления о близких, так что – не лишено.

– Спасибо. Я ходила на курсы быстрого чтения, надеюсь управиться за ночь.

Паршин смотрел, как ретиво, не посоветовавшись с начальством, его подчиненная взялась за дело. Вздыхнул и обратился к гостю:

– Николай Васильевич, позвольте мне кое-что сказать... Вы понимаете, что Евдокия засобиралась на «расследование» в дом, где на ходу подметки рвут? На любой прокол мгновенно и профессионально реагируют?

– Понимаю, – серьезно согласился Шаповалов.

– И как, вы думаете, профессионалы отреагируют, если Дуся пару раз, на чистом автомате и в запарке, не отзовется на имя Инессы? – Николай Васильевич сразу не ответил, и Олег продолжил: – Неужели вы не понимаете, что отсутствие сексуального притяжения между «женихом» и «невестой» не останется незамеченным? Вы ж не можете всерьез надеяться, что Дуська сумеет изобразить к вам пылкую любовь? Я бы, например, мгновенно фальшь почувствовал и...

– Я понял, – перебил Олега гость. – Отвечу по пунктам. Имя Дуся имеет достаточно синонимов – «душенька», «душечка», «милая», «красавица». Никто не удивится, что старый влюбленный дуралей так называет свою девочку. Я так же могу сказать Муромцевым, будто мою невесту называли в честь какой-то родственницы, что детка не выносит своего имени и с пеленок привыкла отзываться на «Дусю-Душечку»... А в остальном... В остальном, Олег, чем большим остолопом я буду выглядеть, тем лучше. Мне совершенно наплевать, что подумают родственники Муромца о том, что молодую девочку совсем ко мне не тянет, а я на ней рехнулся. Понимаешь? Мне выгодно, Олег, если они так подумают, я на это и рассчитываю.

– А если Дуся будет каждый раз запинаться, обращаясь к вам на ты? – не уступая, набычился Паршин.

– У нас будет почти десять часов в дороге, чтобы обкатать это обращения. Но если я почувствую, что Евдокия не справляется, оставлю все как есть – старорежимно, по отчеству, на вы.

– Запутаетесь.

– Я?

– Дусенция налажает, – вздохнул Олег. (На возмущенно вякнувшую Землероеву даже глазом не повел.)

– И пусть, – пожал плечами дедушка-диверсант. – Чем больше непоняток, тем лучше. Если противник не понимает, что происходит, то отвлекается на несущественность, а это и есть – дестабилизация обстановки.

* * *

Ухоженная «Нива» Николая Васильевича пересекала длинный широченный мост, очнувшийся от полудремы «деструктивный фактор» Дуся Землероева во все глаза глядела на разворачивающуюся панораму речного порта с пакгаузами, рельсовыми нитками, поворотливыми кранами и мельтешащими муравейными людьми.

– Епархия Евгения Ильича? – спросила, позевывая и прищуриваясь на громадные сухогрузы у причалов.

– Угу, – кивнул Васильевич. – По большому счету, здесь, Дуська, первый порт, куда заходят корабли класса «река-море», так что работы у Женьки хватает. Высокое белое здание видишь? Таможня – там.

...Река осталась позади, Дуся расслабленно сползла вниз по сиденью, попробовала пристроить на окне ноющую голову.

– Устала? – заботливо спросил «жених».

– Немного, – призналась Евдокия.

Ввиду возникшего цейтнота десять дорожных часов Васильевич употребил на уточнение-заучивание множества нюансов. Решал вопросы: где они с «невестой» познакомились, когда и при каких обстоятельствах, как зовут «тестя», «тещу» и любимых тетушек, какой ВУЗ заканчивала «суженая», как прозвище ее любимого кота, что Дуся ест, что пьет, в чем спит... Храпит или сопит тихонько? Боится сквозняков или жары? Умеет ли готовить...

Короче, Евдокия язык стесала, рассказывая о себе. Шаповала попросил ее болтать обо всем подряд, плыть по волне. Иногда задавал наводящие либо уточняющие вопросы, по ему только ведомым причинам порой просил конкретики в самых незначительных местах повествования. Помимо прочего Николай Васильевич предложил Евдокии выбрать из прошлого подходящий случай реального знакомства с молодым человеком, мысленно подставить на место юноши «жениха» Шаповалова и отталкиваться от этого.

– Враки, Дуся, надо привлекать по минимуму. Не то запутаешься. Ты мне рассказываешь, я запоминаю, и можешь быть уверена – не ошибусь.

Евдокия поведала Васильевичу потрясающую историю краткого курортного романа. Пролонгировала его под конкретный случай и попыталась проэкзаменовать внимательного слушателя. «Жених» произвел рассказ практически дословно, – припомнил и погоду, и цвет платья, и ободранную пальму под балконом. Евдокия поняла, что каждое ее слово удобно разместилось в организованной шпионской голове, и легонько устыдилась: «Кого я проверяю?! Васильевич, поди, каждый придорожный столб «сфотографировал», царапины на нем запомнил!»

...Машина миновала город по объездной автостраде и повернула на отлично асфальтированную дорогу к бывшим обкомовским дачам, где располагалось домовладение отставного руководителя областного ФСБ Ильи Владимировича Муромцева. Дорогу окружал ухоженный сосновый бор, где даже свежевыкрашенные урны встречались местами.

Евдокия зябко, нервно повела плечами:

– Красиво тут... Сосны, вид на реку... Местная Рублевка, да?

– Пожалуй, – кивнул Николай Васильевич и, сехав на обочину, остановил машину. Выключил двигатель и, положив правую руку на спинку кресла, повернулся к Евдокии всем корпусом. – Ты как?

Дуся облизала губы, сглотнула и пискляво наврала:

– В порядке.

– Вижу, в каком ты порядке, – буркнул отставной шпион.

Наверное, в каких-то специальных подготовительных центрах девушек шпионок учат составлять невозмутимые мины из идущих вразброд, подрагивающих губ и щек, из ерзающих бровей и пылающих ушей. Наверное, эти девушки умеют не сверкать глазами, как испуганные кошки из кустов. Умеют подавлять тремор пальцев. Правильно модулировать голос, а не пищать, словно придавленные мышата.

Но Дусю этому не обучали, Землероева пять лет училась дебет с кредитом сводить. И посему сейчас одновременно напоминала и несчастную кошку, и пугливого мыша: сама себя поймала и закрутила в нервный узел.

– Коньячку налить? – спросил Дусю памятливым «нареченный» Николай Васильевич.

В дороге, плавая по вольным просторам памяти, Евдокия рассказала «жениху», как любила в детстве представляться перед родственниками. Как вставала на табурет перед накрытым для родственников столом и запоем декламировала о Снегурочке и елочке, сером волке и трусливом зайке сереньком. Как позже впечатляла маму поэмами из школьного курса и выслушивала похвалы от лучшей подруги Синицыной. (Мама и Синицына находили Дусю чрезвычайно талантливой особой.) И если б не одна проблема – пресловутый страх толпы и сцены, – на том же сошлись бы и экзаменаторы из театрального института.

Но – не сложилось. Дома Дуся могла вообразить себя хоть Джульеттой, хоть Ромео в шляпе, попадая в класс или на шумный детский утренник – столбенела. Мямлила. Потными пальчиками подол мусолила. Талант так и остался б втуне, не пойдя Евдокия Землероева в сыщицы, не выпей однажды коньячку «на деле».

Глоток коньяка сотворил с непьющей Дусей форменный переворот! Куда-то делись стеснительность и зажатость, куда-то запропал испуг показаться глупой и неуместной. Приняв на грудь грамм тридцать, Евдокия выступила на все сто пятьдесят и даже подралась!

О чем и рассказала памятливому «жениху».

Николай Васильевич, пробормотав «в Греции все есть», достал из бардачка плоскую фляжку. Открутил от нее вместительную крышечку, набулькал туда с горкой:

– Выпей, Дусенька. Оформишься. И тувельки свои на каблучках надень.

Дуся выпила, зажмурилась. Некоторое время прислушивалась к ощущениям – на пустой желудок забирало быстро. И в результате, томно поведя очами, проворковала:

– Николай Васильевич, а если я тебя «папочкой» называть буду, это как – не перебор?

Васильевич пригляделся к пьяненькой помощнице, понял, что Евдокия подбирает правильную ноту для начала выступления, кивнул:

– Уви, мон шер. Называй как хочешь. Хоть «папулей», хоть «драгоценным козликком»...

Минут через десять гламурная композиция из подвыпившей Дуси, бантов и каблучков произвела фурор. Верная себе отличница Землероева выступала на пять с плюсом.

Николай Васильевич привез Евдокию в гости к воспитанным людям. На лицах Максима Ильича и его младшего таможенного брата, вышедших встречать Шаповалова к воротам, не дрогнул ни единый мускул, когда из «Нивы» выбралась невероятная девица с блестящей киской на майчонке. Евдокия тряхнула головой – в ушах подпрыгнули сережки в виде крошечных котят, и церемонно пискнула:

– Инесса.

И протянула мужикам наманикюренную лапку.

Лапку ей пожали вяленько, по очереди. Мускулы и тут не дрогнули, но глаза сверкали все же поражено. Общее впечатление от Дуси в кошечках и бантах чуть позже выразила дочь Евгения Ильича – Милена. По правде сказать, и это мнение Евдокия считала по артикуляции губ воспитанной девушки. Милена стояла вдалеке, на дорожке, ведущей к двухэтажному каменному дому, слегка покачивая головой и округляя синие глаза, девчонка четко прошевелила пухлыми губами: «Оф-ф-фигеть!..»

Евдокия мысленно с ней согласилась и посчитала парад принятым. Оглянулась к «Ниве», где два Ильича сердечно тискали в объятиях друга покойного отца, и капризно прогнусавила:

– Ну, папочка... А чемодан?

Николай Васильевич молодцеватым рывком выдрал из багажника огромное розовое чудовище на колесиках. Младший Ильич перехватил багаж у дяденьки-пенсионера и, старательно не глядя на застывшую в эксклюзивной московской позе Землероеву, поволок чудовище к апартаментам.

Дуся убила комара на голой коленке, одернула короткую, почти прозрачную цветастую юбку и зацокала каблуками по плиточной дорожке. Из умных книжек и небольшого, но славного сыщицкого опыта Евдокия знала: первое впечатление – неубиваемо, незабываемо. Его не вытравить ни оговорками, ни ляпами, Дуся выверенно и целенаправленно создавала реальные чокнутой девицы с комплексом Электры в полный рост. В чемодане хранились два комплекта одежды достойных похоронных расцветок, но ради первого убийственного впечатления «невеста» разоделась в разноцветные шелка и банты.

Евгений Ильич дотащил поклажу до комнаты на втором этаже, внес чемодан в просторную светлую спальню и, поглядев на мрачного Васильевича, произнес:

– Располагайся, дядя Мухобой. Мы ждем внизу. Помянем папу.

Николай Васильевич закрыл за Евгением дверь, прошелся по комнате до огромного квадратного окна... И замер. Надолго.

Евдокия смотрела в спину задумавшегося Шаповалова. Переминалась с ноги на ногу и не знала, как себя вести. Она здесь представлялась и *работала*, а для Васильевича здесь каждая сосна, любовно высаженный кустик, ступеньки на крыльце – воспоминания о друге.

На той скамейке, что видно из окна, они сидели. По этим дорожкам они гуляли. Выпивали на веранде. Шашлычки зажаривали на мангале. Траву под соснами косили...

Тоска лежала на понурых плечах ветерана. У Евдокии сердце защемило.

– Николай Васильевич... – тихонько позвала сыщица. – Мне чемодан разбирать, переодеваться?

– Сбиваешься, Дусенция, – неожиданно и хрипло отозвался Шаповалов. – Я папочка, а не Николай Васильевич.

– Простите... Прости.

– Вот это правильно, – сказал Васильевич и развернулся. Лицо матерого разведчика отражало такую мрачную решимость, что Дуся мысленно пожелала убийце его друга сдать добровольно и обязательно властям. Евдокия уже знала, что у чужого жениха рука не дрогнет, нажимая на спусковой курок, теперь была уверена, что этот *дяденька* способен разорвать врага и голыми руками.

Лицо Шаповалова напугало Евдокию, и он это понял. Улыбнулся вымученно, потер подбородок пятерней.

– Как думаешь, мон шер, мне побриться?

– И так нормально. Не на празднике.

Евдокия старательно обходилась без обращения. (Коньячные пары помаленьку выходили.) Пугливо поглядывала на двуспальную кровать.

– Не переживай, приставать не буду, – нашел в себе силы для шутки понятливый шпион. – Но спать придется вместе, Дуська. Мы как-никак жених с невестой и люди современные. – Дуся молча кивнула, потянулась к застежке чемодана. – Ты тут давай переодевайся, сполоснись с дороги, а я вниз пойду. Пока девчонки стол накрывают, потолкую с ребятами. Есть о чем.

Николай Васильевич двинулся к двери, Евдокия остановила его на пороге смущенным вопросом:

– Васильевич, а почему тебя здесь дядей Мухобоем величают?

Шаповалов задумчиво поджал губы, подумав, предложил:

– У меня будет повод на спортинг-полигон зайти. Возьму тебя с собой, там покажу, как получают такие прозвища.

***

После душа Евдокия причесывалась у окна, дающего обзор практически на весь немаленький участок. Смотрела на крышу крохотного флигеля, почти скрытого за порослью елочек. Поглядывала на второй, недавно выстроенный дом, где по рассказам Шаповалова обосновался младший сын Муромцева с семьей. Прикидывала, можно ли незаметно пройти от ворот

до флигеля, не попадая под обзор окон первого этажа дома Ильи Владимировича и жилища его таможенного сына?

Получалось – можно, но скачками и вприсядку. И это, если не учитывать охранника Бурана. А пес, по мнению Васильевича, чужого близко не подпустил бы!

Загадка.

Участок по периметру окольцевали пышные кусты колючего боярышника, так что через забор здесь не перемахнуть никак. Да и поселок из бывших обкомовских дач отлично охраняется... Проезжая от шлагбаума, Васильевич показал Дусе крышу губернаторского дома.

Головоломка. Не исключено, составленная профессионалом, без надежды на ответ.

К столу, накрываемому на веранде, Евдокия спустилась в черном костюмом с явным намеком на школьную форму (и приснопамятный дуэт «Тату»): юбка в складку до колен, пиджачок с рукавами до локтей, белая блузка-топ воротом чуть-чуть топорщится. В чемодане был и черный галстук, но по причине духоты и подпаленной в солярии кожи Землероева его презрела. Решила – так сойдет, и без того картина маслом вышла: двадцатипятилетняя девица на выданье в нимфетку заигралась.

Выпивающие у перил веранды мужчины окатили вышедшую Евдокию взглядами.

Не задержались. Но и не пофыркали.

Землероева покачалась на носках туфелек-балеток, поерзала спиной по дверному косяку, но бросить «жениху» призывный взгляд – милый, ты меня забыл?! – не решилась, хотя по роли следовало бы. Николай Васильевич явно обсуждал нечто важное, хмурился, губу сосредоточенно покусывал.

В углу веранды, на плетеном кресле с высокой спинкой сидела грузная носатая бабушка с вьющимися волосами цвета соли с перцем. Глубоко посаженные черные глаза неприязненно исследовали новоявленную «погремушку». Сказать по совести, будь Землероева сама собой, она б под этим взглядом и скончалась бы.

Но Дусю защищала роль – пуленепробиваемая глупость. Евдокия сделала вид, будто приняла негодующий взгляд за призыв к общению, прошелестела балетками по доскам пола и изобрела перед креслом с бабушкой нечто напоминающее книксен-реверанс с приподниманием подола и отставленной назад ножкой:

– Добрый вечер. Вы Ираида Генриховна? Меня зовут Инесса, но я с детства терпеть не выношу, когда меня так называют...

Взгляд бабушки из неприязненного превратился в пораженный, поскольку Землероеву несло. Еще по дороге в город Н-ск Евдокия наметила Ираиду Генриховну как основной источник информации и посему втиралась к бабушке в доверие.

По рассказу «жениха» Ираида Генриховна была матерью первой, покойной жены Ильи Владимировича – Елены Тимофеевны. Потеряв супругу, Муромцев не оставил тещу, не оторвал ее от внуков. Ираида Генриховна продолжала жить в доме зятя, даже когда тот повторно женился на Елизавете Викторовне, и, если верить мнению Шаповалова, руководила в доме абсолютно. Ираида обожала зятя, тот в долгу не оставался, хоть иногда подшучивал над властной тещенькой.

И коли уж разговор коснулся Ираиды Генриховны, то стоит сразу же обмолвиться: в компании мужчин, что без усердия потягивали коньячок на ступеньках веранды, стоял и ее младший сын Модест Казимирович, бывший сводным братом покойной Елены. Лет десять назад, когда тещеньку стали подводить ноги, зрение и нервы, Муромец уговорил Модеста переехать в этот дом. Модест поупирался. Но все же переехал. Николай Васильевич ворчливо намекнул «на все готовое». Поскольку подвизался Казимирович на малопитательной скользкой ниве театрального критика. «Когда из драматурга не выходит ничего путного, – сказал Николай Васильевич, – ему одна дорога – в критику. Бомбить талант по всем фронтам».

Чуть позже, поболтав с Миленой, Евдокия догадалась, что относительно «непутной» аттестации Васильевич слегка не прав. Бойкого, язвительного пера неудавшегося драматурга в городе побаивались, то есть принимали критика всерьез. Но в прочем, во всем, что не касалось театра, Модест, избравший амплуа милого светского сплетника, был славной душкой и отличным парнем.

Евдокия пригляделась к критику и поняла, откуда выростали корни неприязни «суженого». Стопроцентный натурал Васильевич на дух не выносил бисексуалов с шейными платками! И посему, решила Дуся, был предвзят. Когда за столом ее усадили между Васильевичем и Казимировичем, Землероева здорово обрадовалась. Вероятно, так получилось не случайно: Муромцевы посадили рядом с «погремушкой» наиболее устойчивого к дурам родственника. Но все же, все же – Модест был сплетником и умным собеседником.

Муромцевы вспоминали папу. Евдокия через плечо озиралась на большую фотографию, перевязанную по уголку траурной ленточкой. Перед портретом по русской традиции стояла рюмка водки, накрытая почерстевшим куском черного хлеба. Дуся смотрела на фотографию и удивлялась, до чего Шаповалов-Мухобой похож на своего наставника Илью Муромца. Почти одно лицо! У обоих крупные лобастые головы, четко очерченные губы, твердокаменные подбородки. Умные серьезные глаза. Наверное, эти смотревшие уже только с фотографии глаза умели, как и у Николая Васильевича, быть одновременно добрыми и строгими. Необидно насмешливыми и нешуточно серьезными.

Евдокия успела неплохо узнать доставшегося ей «суженого» и положила руку на сердце уже не зная, кто на чьем фоне проигрывает. Стройная длинноногая девушка выигрышно смотрится рядом с пожившим мужиком слегка за шестьдесят. Или невысокий кряжистый пенсионер с умными лицом в пух и прах разбивает красоту и легковесность молоденькой партнерши?

По тому, как на нее поглядывали Муромцевы, Евдокия догадывалась: счет идет не в пользу молодости. И не исключено, что каждый из родни прикидывал – на что польстилась эта «погремушка»?! Кроме «Нивы» и дома в Подмоскowie с Мухобой и взять-то нечего! Одни шрамы и награды.

На что польстилась? Может быть, не дура?

Благожелательные для гостей сомнения стали слишком часто появляться на лицах людей от всей души любивших и уважавших дядю Мухобоя. Евдокия чрезмерно долго – из понимания момента – держала рот закрытым. Решила поработать, над образом маленько потрудиться.

Прямо напротив Дуси сидела шатенка невероятной красоты. Задумчиво обглаживала лист салата. Землероева состроила ей благовоспитанную чинную мордашку и, округлив глаза, шепнула:

– Тереза. Вы тоже на диете?

Вторая жена второго сына Муромца окатила взглядом визави, только что умявшую три котлеты-гриль и миску оливье, дернула верхней губой и промолчала. Тонкая гибкая шея под дивной головой качнулась, Тереза отвернулась.

– Инесса, дорогая, – раздался над ухом Дуси вкрадчивый, но довольно слышимый голос стойкого на дур Модеста, – день, когда человечество изобретет таблетки от ожирения, станет траурным для нашей Терезочки. Жизнь потеряет смысл.

Дуся уже поняла, что жену таможенника только что отшлепали за негостеприимство и надменность, но реноме огнеупорной идиотки требовалось подтвердить:

– А почему?

Дуся преданно смотрела на заговорившего с ней человека. Из округленных глаз выплескивались искренность и глупость; критик, вытянув губы дудкой, не менее искренне полюбился эдаким шедевром и произвел:

– Исчезнет необходимость самоутверждаться в тренажерных залах и диетах. – Дуся своевременно и бестолково похлопала ресницами. В глазах Модеста мелькнуло выражение «Боже мой, какая прелесть». – Если нет других талантов, в сфере применения остаются только пот и голод.

Скорее всего, изобретая мудреные фразы, Модест прицельно бил в Терезу. Поскольку Дусе оставалось лишь глубокомысленно морщить лоб и притворяться понимающей. (Если бы в тот момент на веранде находилась Синицына, она бы захлопала в ладоши! Евдокия и сама уже поверила, что выглядит «невероятно первозданной прелестью».) По гладкому челу Терезы тучка не промелькнула даже намеком. Подарив родственнику долгий, безмятежный взгляд человека, привыкшего спокойно спать, шатенка подцепила вилкой дольку огурца.

«Самоутверждение посредством физической перенагрузки укрепляет не только мышцы, но также дух и волю», – Землероева при случае сама могла насочинять формулировок.

Но какова жена таможенника! Тереза удар держала – обзавидуешься!

***

Вдова Ильи Владимировича к столу так и не вышла. Евдокия слышала, как родственники обсуждали самочувствие Елизаветы Викторовны. Бедняжка слишком сильно переживала смерть супруга, уже почти неделю жила на успокоительных пилюлях и уколах.

Поминальный ужин продолжался недолго. Минут через сорок мужчины дружно потянулись на перекур. Женщины начали убирать закуски. На ненастойчивое Дусино предложение оказать им помощь Тереза, Милена и Алла ответили отказом.

Совсем не опечалившись, Евдокия приступила к выполнению намеченных на первый вечер следственных мероприятий. Ловко подкатилась к бабушке, конфузливо ножкой шаркнула:

– Ираида Генриховна, простите за назойливость... Не могли бы вы мне какие-нибудь фотографии показать? Я ничего не знаю о друзьях Коли... Может быть, вы мне... А я...

Лицо мямлящей «Инессы» пылало от загара и выглядело достоверно заалевшим. Ираида Генриховна на мгновение нахмурилась. Пробуравила Землероеву всевидящим взором и неожиданно гаркнула:

– Милена! Принеси из моей комнаты альбомы с фотографиями! – Поглядывая на Дусю уже вполне приязненно, первая теща Ильи Муромца похлопала подагрической ладонью по ближайшему табурету и сочным басом предложила: – Садитесь, милочка, ко мне поближе. Николашиных фотографий у нас, правда, не много, но кое-что я вам покажу. – И пока Дуся чинно усаживалась и расправляла складочки на юбке, усмехнулась: – Хотите посмотреть, каким бравым молодцем ваш Коля был? Я угадала?

Евдокия смущенно опустила глазки к полу. Именно на подобную «догадливость» Ираиды Генриховны Евдокия и рассчитывала для наведения мостов. Пожилые тетушки обожают листать фотоальбомы и делать комментарии. Достаточно дождаться появления подходящего снимка, сердечно ахнуть, сказать «О, боже, какое на вас платье!», и тетя ваша со всеми потрохами. Желательно не забывать нахваливать детей и внуков, с интересом уточнять детали, а в остальном слушать не перебивая.

Рецепт сработал безотказно. Минут через двадцать «погремушка» Дуся уже вовсю хихикала на табурете, Ираида Генриховна все глубже погружалась в прожитые годы и радовалась присутствию в доме свежих любознательных ушей.

***

– Давай, Дусенция, докладывай, чего нарыла, – подкладывая под шею подушечку-валик, пробурчал Николай Васильевич.

– Пока у меня только впечатления, – призналась Евдокия, глядя в белый потолок, разрисованный колышущимися тенями, падающими от ночного фонаря. На секунду Дусе показа-

лось, что она лежит в постели со старым верным супругом и привычно обсуждает прошедший день.

Смешно. Дома Евдокия переживала, выбирая для поездки наиболее целомудренную пижаму без кружавчиков и голых плеч. Получилось – зря. Как только Васильевич нацепил на нос очки и поворчал немного относительно буржуйской мягкости матраса, так сразу превратился в добродушного, почти родного дедушку, уступившего внучке кусочек спального места.

– Я большего и не ожидал. Валяй о впечатлениях.

– Начну с Терезы, – сказала Дуся и повернулась к «жениху», пристроив локоть на подушку. – Ее поведение мне кажется странным. Вот послушайте...

– «Послушай», – сразу перебил Васильевич. – Даже наедине, Дусенция, не смей сбиваться!

– Хорошо. Так вот. У меня две бабушки в провинции живут, и я много раз встречалась там с девчонками, учившимися в Москве. Разговоров обычно – два дня не остановишь! Девчонки говорят о магазинах, о концертах, рассказывают, где бывали, кого видели – ахов и охов полным-полно! Меня много расспрашивают. Интересуются, где я живу, какие там кафе поблизости, какие магазины... – Дуся прищурилась на пожилого диверсанта. – Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Угу. С девчонками понятно.

– А вот с Терезой – нет! – Дуся воодушевленно села по-турецки на постели и горячо зашептала: – Ты понимаешь – нет! Она не хочет вспоминать Москву! Я раз пять пыталась подкатить к ней с разговорами о столице – она ответила только на вопрос, где находится общежитие ее института! Я ее...

– У Терезы на момент убийства непробиваемое алиби, – сухо вато перебил воодушевленную помощницу Шаповалов. – Она тогда в парикмахерской торчала, приехала уже вместе с полицией.

– Это точно? – мгновенно сникла Дуся.

– Абсолютно. Ее Евгений привез, так что они оба вне подозрений.

– А старший сын Муромца? Он здесь был?

– Максим обнаружил тело. Они с Аллой приехали проведать отца, Лиза сказала, что тот работает во флигеле. Алла сразу загорать отправилась, Макс побродил немного по участку, решил к Илье наведаться... Что он увидел во флигеле ты знаешь.

– Время смерти Муромца совпадает с их приездом?

– Да, – глядя в потолок, ответил дядя Мухобой. – В тот день жара за тридцать стояла, но во флигеле довольно прохладно, да и эксперт на убой в этом поселке быстро приехал. Так что установить время смерти не составило труда. Илью убили либо за несколько минут до приезда Макса и Аллы, либо сразу после их прибытия. Вопрос в минутах.

Евдокия наморщила лоб и ум. Представить начальника городского УВД стреляющим в висок отца – картина запредельная! Алла... тоже как-то слабо монтируется со стволом в руке... Ухоженная обаятельная брюнетка лет сорока пяти, успешная адвокатесса, мать двоих детей... Что может такую женщину заставить свекра застрелить?!

– Мы, Дуся, отвлеклись, – заставил Землероеву очнуться голос «жениха». – Какие впечатления у тебя от Модеста?

– Модест? – переспросила Дуся. – Нормальный дядька. Странноватый, но нормальный. Пижон. Я у него часы заметила из последней коллекции Картье...

– Уверена, что не подделка? – чуть оживился Шаповалов. – Даже стальной хронометр на кожаном ремешке тысяч семьдесят с гаком стоит.

– Не буду врать, что я большой эксперт в таких вещах, но как ты думаешь, Николай Васильевич, проходит рабочее время девушек-сыщиц?.. Мы, Николай Васильевич, «приделываем ноги» за богатыми женами. День-деньской мотаемся за ними по магазинам и салонам. Я

там таких лекций о новинках понаслушалась – преподавать уже могу! Помню один день, когда часы четыре таскалась из бутика в бутик за одной теткой, часики для ее любовника выбира...

– Достаточно, – перебил Васильевич. – Про часы я Казимировича спрошу.

– Так он и сказал! – разошедшись, фыркнула Землероева. – Если это подделка, никакой пижон в жизни не сознается! Запутаемся только, откуда деньги взялись.

– Согласен. О часах спрошу Терезу или Ираиду.

– А кстати, на что живет наш франт?

– Франт живет нормально, Дуська. Модест сдает две квартиры в центре города – одну свою и матушкину, вторую, трехкомнатную ему бабушка по отцовской линии в наследство оставила. И хоть цены здесь не московские, на жизнь хватает. – И не преминул воткнуть: – Тут же он на всем готовом проживает.

– Не нравится тебе критик, папочка? – усмехнулась Евдокия.

– А он мне не девка, чтоб нравиться. Давай по делу, дочка.

– А по делу как бы все, – развела руками Землероева. – Из подозреваемых, находившихся здесь на момент убийства, у нас только Ираида осталась. Но у нее, Николай Васильевич, такая подагра – все пальцы скрючены, еле-еле фотоальбомы перелистывала! Не то что на курок нажать и попасть, она указательный палец под спусковой крючок не просунет.

– Не просунет, – согласился дядя Мухобой. – Но алиби твоему Модесту – даст. На момент убийства Муромца Модест и Ираида были вместе в этом доме.

– Это почему же Модест-то – мой? – опешила Евдокия.

– Да видел. Видел, как ты с ним шушукалась.

– Так я ж по делу! Казимирович идейный сплетник. Я у него всю подноготную Муромцевых за пятнадцать минут вызнала!

– А почему не доложила? – нахмурился руководитель следственной бригады.

– Так вас же *мои* впечатления интересуют, а не какого-то там бонвивана, – вредно воткнула Дуся. – Я о своих кровных впечатлениях и докладывала.

– Что конкретно рассказал Модест?

– Макс недоволен тем, что Алла взялась защищать какого-то от мороженного головореза, – детально приступила Дуся. – Головореза полгода выслеживали, Алла к чему-то прикопалась, Максим боится, что совсем отмажет.

– Весомо, – пробурчал Васильевич. – Пospрошаю Макса. Что еще?

– Тереза ревнует мужа к новой сотруднице. По словам родственника-критика, просто бесится! Но вот что странно... – Дуся закусила губу. – В разговоре о Терезе я сказала Казимировичу, будто мне почудилось: Тереза недовольна тем, что ее мужу предложили поддержку на предстоящих мэрских выборах... Ты, Николай Васильевич, не заметил, как жена странно реагирует на разговоры о карьерном продвижении супруга?

«Жених» нахмурился, пристально, долго поглядел на Евдокию...

– А знаешь... – произнес, – если бы ты мне сейчас об этом не сказала, я бы как-то и не вспомнил. Голова другим занята. Так что спасибо, Дуся. Я сейчас припоминаю разговор за столом. Тереза и вправду как-то странно оборвала разговор о вероятном мэрстве Женьки.

– Вот. А я о чем. Тереза странная.

– Но у нее есть алиби. Мы, Дуська, сюда убийство Муромца приехали расследовать, а не копаться в Женькиной карьере. Оставим эту тему за скобками, я на досуге поразмышляю, с Евгением поговорю, может быть, здесь все выеденного яйца не стоит. Тереза просто ревнует и вредничает. Что по этому поводу Модест насплетничал?

– А ничего, – улыбнулась Евдокия. – Его эта тема не волнует. Я спросила: «Что с Терезой, почему она такая заледеневшая?» Модест сразу съехал на новенькую таможенницу, сказал, что у той кривые икры и плоская задница, так что Тереза зря беснуется. В секретаршах мэра этой девушке не быть.

– Модест тебя саму о чем-то спрашивал?

– Конне-е-ечно, дарлинг, спросил, как называются мои духи!

Ухмыляясь с легким ядом, Евдокия думала о том, что, вероятно, не зря сюда приехала. Представить, как Васильевич с Казимировичем сплетничает, – совершенно невозможно! А Дуся – запросто. Модест и его матушка ценнейшие источники информации. (Паршин подчиненной всегда по этому поводу комплименты отвешивал, раскручивать на разговоры кумушек и бабушек – за просмотром фотографий или просто на скамейке перед домом – лучше Евдокии вряд ли кто-то может!) Пока Землероева гордилась, шпион Васильевич сосредоточенно разглядывая потолок.

– Николай Васильевич, – обратилась к нему Дуся, – мы как, партнеры?

– Ну, – невнимательно буркнул Шаповалов.

– Я имею право спросить, какие у тебя мысли появились?

– Ну.

– Тогда колись. Какие есть идеи?

– Идей, Дуська, нет, – не отвлекая глаз от потолка, сказал «жених». – Была одна, но вот выгорит ли... Я напустил туману. Сказал, что Илья мне звонил за день до смерти...

Говоря, что «напустил туману», Николай Васильевич поскромничал. На перекуре он заявил мужчинам, будто в разговоре по телефону Муромец ему кое-какие кончики оставил и старый друг отсюда не уедет, пока не вычислит гаденыша, убившего его наставника.

– И что? – испуганно спросила Дуся.

– А то. И Макс и Женька согласились оказать мне максимальное содействие. Сказали – живи здесь, дядя Мухобой, хоть год, хоть два, но убийцу нам сыщи.

– Николай Васильевич... – Голос Евдокии слегка дрожал, она прекрасно понимала, в чем состоит идея отставного диверсанта. – А ты не боишься вызывать огонь на себя? Твоего Муромца уж больно ловко устранили...

– Завтра отправлю тебя в Москву на поезде.

– Да не об этом я! – простонала Евдокия. – Я же в Москве с ума сойду – кто тебе тут спину прикрывает?! Здесь, Васильевич, вдвоем работать надо!

– Согласен. Посидишь на даче еще пару деньков. Думаю, кто-то попробует через тебя пробить вопрос – узнать, что я тебе сказал о разговоре с Муромцем. Как только интерес проявится, Дусенция, твоя работа здесь закончится.

– А до той поры и переживать не о чем, – чувствуя, как чуть подрагивает сердце, превратившееся в заячий хвост, браво высказалась Евдокия. – Так мы – партнеры? Я могу еще спросить?... В день, когда пропали дневники Ильи Владимировича, Максим и Алла тоже в гости заезжали?

– В правильном направлении шагаешь, подруга, – усмехнулся старый разведчик. – Но огорчу. Когда исчезли дневники Ильи, Макса и Аллы вообще в городе не было. Они в Крым ездили, на отдых. Модеста, кстати, тоже не было. Он уезжал в столицу на прогон какого-то нового спектакля, Марина Сомова ему посылку для сестры передавала, так что его алиби – вернейшее.

– То есть... версия о том, что пропажа дневников и убийство – звенья одного порядка, разрушена?

Николай Васильевич, внезапно помрачнев, отрицательно покачал головой:

– Все крепко сходится на датах, Евдокия. У Ильи пропали дневники за шесть последних лет. Сегодня Максим мне сообщил, что за несколько дней до пропажи дневников отец пришел к нему на работу и попросил дать ему дело шестилетней давности. Тогда, Дуся, нашего общего с Муромцем друга убили – Сережу Коромыслова. Убийство не раскрыли, по основной версии Серега случайно наткнулся на вора, проникшего в его квартиру, тот его и зарезал сдуру. А Серега, Дуся, был не простым пенсионером. Когда-то он отдел по борьбе с бандитизмом

возглавлял. Потом его по выслуге на пенсию выпихнули, а позже и РУБОП расформировали, Сережа в результате запил по-черному... Мы его лечить пытались... Бесполезно. Он на нас даже обиделся, перестал встречаться. Но за несколько дней до гибели пришел к Муромцу в гости, с бутылкой. Они посидели, поговорили, потом поругались... В общем, – вздохнул Николай Васильевич, – куражился Серега. Съехал здорово, почти деградировал. – Николай Васильевич расстроился, вспоминая друга Коромыслова. Опять вздохнул. – Я тебе это, Дуся, не зря рассказываю – мотай на ус. Если где-то фамилия Коромыслова проскочит или кто-то о старых друзьях выспрашивать начнет – запоминай, но реагирую правильно. Ты, мон ами, знать ничего не знаешь о моих делах. Понятно?

– Ага, – кивнула Дуся. – Слушаю, запоминаю, я – девочка в бантах и кисках.

– Завтра можешь спать подольше. За ворота – ни ногой. Я к Сережиному дому съезжу, разыщу одного ферта, соседа, с которым Серега в последние годы выпивал. Потолкую малость, узнаю, о чем Серега перед смертью говорил. Потом к Максиму, полистаю дело... Шесть лет назад мы с Муромцевым в ту историю вгрызались, воров шерстили, а дело, как поворачивается, может быть в другом. Дело может быть к Илье Муромцу повернуто.

Николай Васильевич дотянулся до ночника, выключил свет и, пожелав приятных снов, повернулся на бок, спиной к «невесте» в целомудренной пижамке.

«Невеста» сразу не уснула, поворочавшись немного, выбросила в темноту вопрос:

– Васильевич, а ты знаешь, что шесть лет назад еще одно событие произошло? Евгений и Тереза поженились.

– Ага. А перед этим замочили первую его жену, – едко и сонно пробурчал шпион. – Спи, Дуся. Когда Евгений встретил Терезу, он уже полгода как развелся. Татьяна к новому мужу в Грецию умотала и детей оставила. Роман Терезы с Женькой – прозрачней хрустала.

«А жаль, – подумала любительница детективов в романтическо-убойном стиле. – Тереза – дура противная. Нос дерет, как будто олимпийскую медаль по аэробике выиграла... Тоже мне... спортсменка в стрингах...»

* * *

Но все же, отдать должное, выглядела та спортсменка офигенно. Только что проснувшаяся Дуся стояла у окна спальни, позевывая, смотрела сверху, как жена таможенника окачивает водой из шланга плиточный пяточок у мангала. На Терезе были обычные чуть мятые шорты, бейсболка и шлепанцы. Загорающие плечи не перечеркивали бретельки лифа от купальника. Точеная фигурка, неторопливые, плавные движения – немудрено, что барышней увлекся возрастной мужик в чинах.

Мирная картинка работающей женщины заставила Евдокию немного устыдиться вчерашних мыслей. «Чего я завелась? Тереза вела себя куда честнее прочих родственников, четко дала понять, что ей противна бестолковая девица, окрутившая пенсионера. Заморозила общение, а я и разобиделась, что меня под стол, как табурет, задвинули, на улыбки не отреагировали...»

Могло быть так?

Да запросто. Но Евдокия вспомнила надменный презрительный взгляд Терезы и решила, что первое впечатление от жены таможенника все же было правильным. Хорошее воспитание еще никто не отменял, грубить гостям – не принято.

Дуся быстренько умылась, надела немислимо короткий цветастый сарафан и поскакала на кухню, разыскивать чашечку кофе и какой-нибудь рогалик.

На кухне было пусто, но из окна, выходящего на противоположную от мангала сторону, Евдокия увидела Модеста, принимавшего в теньке на шезлонге воздушные, но не солнечные ванны. На столике рядом с критиком Землероева разглядела пепельницу и большой кофейник. Прихватила с кухни чистую чашку и отправилась туда.

– Доброе утро, Модест Казимирович, – культурно поздоровалась Дуся. И показав оттопыренным от чашечки мизинчиком на второй шезлонг, спросила с гламурной бархатной гнусавостью: – Позвольте составить вам компанию?

Критик выглядел импозантно даже в трусах. Шелковистых полосатых шортиках. На пузе критика лежал бамбуковый веер, расписанный кусачими драконами, голову прикрывала задорная панамка с эмблемой дома Сен-Лоран, в руке дымилась коричневая сигаретка.

– Сделайте одолжение, – изобразив, что собирается привстать, разулыбался Казимирович. Приподнял на секунду солнцезащитные очки в золоченой оправе: – Доброе утро, драгоценная Инесса Сигизмундовна.

Дуры вроде нынешней «Инессы Сигизмундовны» легчайшую издевку расслышать не имеют права, эпитет «драгоценная» обязан сойти за чистую монету. Евдокия улыбнулась шире некуда, продемонстрировала пустую кофейную чашечку и тут же получила порцию отличного напитка.

– Как хорошо, – вытягиваясь на прохладной ткани шезлонга, чистосердечно высказалась Евдокия. – Прям – красота. Ни московской духоты, ни пыли... Сижу как в Сочи.

Критик хмыкнул. И заглотив наживку. Дуся предлагала поболтать о своем житье-бытье, намеренно выводила разговор на личные темы. На обоюдную откровенность выводила и рассчитывала.

– Николай Васильевич сказал, что вы москвичка, Инесса? Живете в центре?

Судя по вопросу, Модеста (да и прочих родственников) занимал вопрос – у девушки есть столичная прописка, она не лимита, так что ж ей от дяди Мухобоя-то потребовалось?! Неужто вправду втюрилась в пенсионера?!

А опытный (шпион-нелегал?) Николай Васильевич советовал помощнице поменьше врать. «Если уж свезло родиться в Белокаменной, то нечего и бедную овечку без прописки изображать. Собьешься, Дуся, запутаешься, а московский говор в провинции и так в раз просекают. Коренного москвича там за версту видать».

Дуся резво и правдиво пробежалась по анкетным данным, начиная с песочницы в детском саду. Закончила хвастливым упоминанием высшего экономического образования, заметила, как на лице Модеста появилось выражение «бывает, встречаются и не такие дуры с университетскими дипломами». И посчитала экзамен удовлетворительным. Скромная оценка была поставлена исключительно потому, что откровенность не вызвала ответного жеста. Модест весело посасывал сигаретку и кофеек и никаких вопросов гостье не задавал.

– Модест Казимирович...

– Инесса, к чему между своими отчества? – игриво оборвал критик. – Модест. Модест.

– Тогда я – Дуся, – ответно отыграла Евдокия. – Меня назвали в честь противной бабки, я ее терпеть не могу, так что...

– Договорились, Дуся. Ты хотела меня о чем-то спросить?

Игра в одни ворота. Но на чужом поле, как известно, подчиняются правилам принимающей стороны.

Тут очень кстати из-за угла дома показалась Тереза со шлангом, Евдокия повернулась боком к критику и, загадочно округлив глаза, прошелестела:

– Папочка мне сказал, что у Евгения была другая жена, но роман Терезы и Евгения – чище горного хрусталя. Они встретились и полюбили друг друга уже после развода Евгения Ильича...

Слушая Дусин лепет, Казимирович приподнял на лоб очки и поглядел на Евдокию с многозначительным упреком:

– Вам сколько лет, Дуся?

– Двадцать пять.

– И вы еще верите в сказки? – хмыкнул критик.

Вечером – с огромным удовольствием и гордостью! – Землероева доложила «жениху», что чуть ее не подвело. На белоснежном реноме второй жены Евгения таки сидело черное пятно! Скорее таинственное, чем гадкое, но все-таки – имело место быть.

Семь лет назад, вернувшись после окончания института в родной город, Тереза вместе с компанией бывших студенток сняла у Казимировича трехкомнатную квартиру усопшей бабушки. А еще неопытный в вопросах сдачи жилья Казимирович попросил Евгения «пробить» для него потенциальных жилищек. Милиционер Максим Ильич на тот момент, как назло, уехал отдыхать, обратиться больше было не к кому.

Евгений просьбу выполнил. И отчего-то поехал вместе с Модестом вручать Терезе и компании ключи от нанятой квартиры. Модесту тогда сразу показалось, что Женечка запал на одну из квартиранток. Как увидел фотографию красивой девушки в паспорте, так и помчался «помогать».

– И получается, Николай Васильевич, – довольно улыбаясь, говорила Дуся, – тут ты не прав. Никакого «горного хрустала» в помине не было! Евгений и Тереза познакомились за полгода до его развода с Татьяной.

– И что? Казимирович тебе сказал, что между Терезой и Женькой сразу же роман вспыхнул?

– Нет, не сказал. Модест богемный сплетник, а не враль, развлекающийся поливанием помоями. Я говорю лишь о том, что существует – ложь. Вранье. Тереза могла как-то повлиять на развод Евгения с первой женой? Могла. А еще меня интересует, почему вдруг девушка, вернувшись из столицы, не стала жить с мамой и папой, а удрала от них на съемную квартиру? Модест сказал, у Терезы приличная семья. К тому же – небогатая. Мама по инвалидности на пенсии сидит, отец работает, еле-еле концы с концами сводят. Точнее, сводили. Но вот скажи, почему вчерашняя студентка стала деньги на свободное жилье транжирить, а не маме лекарства покупать, а?

– Злая ты...

– Я справедливая!

Дуся не стала добавлять, что после рассказа Казимировича у нее сложилось мнение: либо Тереза эгоистка каких поискать, либо такая сволочная дрянь, что мама с папой ее сами выставили за порог!

– Евдокия, – внимательно глядя на Землероеву, произнес Васильевич, – Тереза холодна с тобой. Ты – предубеждена.

Дуся фыркнула. Разобиделась. И пошла в кусты секретно звонить Паршину, так как считала, что чуть ее не подводит. Никогда не подводило! А старенький шпион в ее словах увидел только ревность одной прелестной барышни к другой. Соперничество разглядел! На стервозность Дусе намекнул.

Обидно прям-таки до слез.

– Олег, привет, ты где, ты занят? – скорострельно выпалила Евдокия в телефон, стоя за кустом сирени.

– Привет. Работаю.

– У меня есть для тебя поручение. Важное. Надо съездить в один институт, узнать о девушке Терезе по фамилии Фланель.

– Как-как?!

– Я сама уписалась. Наверное, у Терезы какие-то иноземные предки были. Так что найти информацию о бывшей студентке с выдающейся фамилией будет просто. Пожалуйста, Олег, это очень важно, съезди прямо завтра утром.

– Да я как бы... занят.

– Оле-е-ег, – провыла Евдокия, разобиженная отповедью «жениха», – прошу тебя!!.. Ты съездишь?!

– Да.

Дуся сообщила начальнику координаты института и общежития, звонко чмокнула телефонную трубку и попрощалась с другом, весьма довольная собой.

Но это было вечером, а пока она лишь слушала Модеста да на ус наматывала. Вопросыки подбрасывала:

– Дети Евгения ладят с мачехой?

– Дети, которых бросают матери, поладят с любой женщиной, которая их один раз по голове погладит, – вздохнул Модест. – Милена умница, Сережа... Сережа в том возрасте, когда присутствие рядом прелестной женщины бывает волнительно.

– И? – Дуся подняла брови.

– Никаких «и», моя дорогая, – строго произнес Модест. – Тереза легко поступила в технический ВУЗ на бюджетную основу, без всякого блата. У нее голова отличного математика и хладнокровия на троих. Тереза при желании умеет замораживать мужской интерес движением одной брови.

«Какие реверансы! – поглядывая на чернобровую Снежную Королеву в сланцах и шортах, подумала сыщица. – Сплошной респект без недостатков. С чего бы вдруг? Что за ночь изменилось? Вчера Модест ее покусывал... Сегодня кратко констатирует? Играет в справедливость и острые углы заглаживает?»

– Дуся, Николай Васильевич всерьез настроен поймать убийцу Ильи?

Вопрос Модеста прозвучал внезапно, без малейшего повода на переход. Евдокия тут же напряглась, попыталась расслышать тревожный звон бубенчиков интуиции, мол, вот оно – прорвалось! Появился долгожданный интерес!

Но интуиция молчала словно проклятая. Вопрос Модеста отдавал естественным беспокойством, и не более того.

А паузу для размышления сыщица держала слишком долго. И посему родственник, устойчивый на дур, уточнил вопрос:

– Это только настроение или убежденность и есть какие-то реальные шансы? Тяжело жить в доме, где произошло убийство. Еще неделю назад мы все считали, что находимся в полной безопасности. Поселок охраняют...

Дуся собрала на глупенькой мордашке участливую мину и доверительно склонила голову:

– Перед тем как мы в Эмираты улетели, у маминой соседки по даче кот пропал. Они его всей улицей искали. А Коленька пушистика за час нашел. На помойке в соседнем кооперативе. Думаю, – Евдокия горделиво выпрямилась и ноги протянула, – и здесь не подкачает.

Если б на планете учинили всемирный «Оскар» за нетронутую интеллектом глупость, «Инесса Сигизмундовна» могла б претендовать на первую премию и бриллиантовую диадему.

А это еще Дуся пребывала в абсолютной трезвости!

Способностям, кажется, уже не требовался спиртовой допинг. Окрыленная талантливым выступлением, Землероева попросила еще одну чашечку кофе. Модест, – за версту заметишь! – мысленно посочувствовал дорогому Мухобю, но кофе поделился.

Через полчаса назойливая гостя уже терзала Снежную Королеву – просила дать ей шланг, немного пошалить-побрызгать на задремавшего под непроницаемыми очками критика. От приставаний мачеху спасла вышедшая из дому Милена. Девушка предложила Евдокии спуститься к реке, искупаться, Землероева, помня наставления шпиона «За ворота – ни ногой!», наврала про застуженный (при купании в Эмиратах-то!) мочевого пузырь и, заговаривая Милене зубы, ловко подвела ее к флигелю.

– Дедушку здесь убили? – делая глаза испуганными, спросила Евдокия.

– Здесь, – покусывая травяной стебелек, кивнула девушка.

– Жуть какая, – поежилась Дуся. – Дверь, смотрю, опечатана...

– Ну.

– А дедушка здесь жил и спал?

Милена смерила «Инессу» взглядом, вздохнула и помотала головой:

– Нет. Только работал. Он вообще этот флигель в шутку называл «собачьей будкой».

Здесь жил Буран.

– Собака? В целом доме?! – задрала вверх брови сыщица. Личина полновесной идиотки давала Дусе преимущество – позволяла задавать одноименные вопросы.

– Буран признавал только одного хозяина – дедушку Илью. Бабушка Ираида просила его запирать собаку, если он уезжал из дому.

– Буран мог броситься?! Покусать?!

– Ну что ты... Буран был мирным парнем. Но если дедушки не было дома, а к нам соседи заходили, обратно он их не выпускал. – Милена слабо усмехнулась: – Ложился перед воротами и рычал на каждого, кто к ним приближался.

– И никто с ним справиться не мог?!

– Тереза могла. Буран ее любил.

Евдокия быстренько собрала информацию в кучку. Неизвестно, знал ли дядя Мухобой о том, что дневники Муромца, при его отсутствии в доме, всегда находились под охраной выдрессированного пса? Знал ли Николай Васильевич, что с овчаркой жена таможенного сына подружилась, а прочие Бурана побаивались?

Милена давала ценные сведения.

– Слушай, а Тереза могла даже в «будку» заходить?! Не боялась?!

– А что ей там без дедушки делать? – простодушно пожала плечами девушка.

Действительно. Что?

Только воровать тетрадки. Когда свекра дома нет.

Дуся потерела пальцем мочку, изобразила на лице недоумение:

– А кто же пса выгуливал и кормил, когда дедушка уезжал?

– Папа. Утром и вечером. Бабушка и дядя Модест собаку боялись. Когда дедушка два раза в больницу ложился, Бураном папа занимался.

Евдокия поднялась на невысокое крылечко флигеля, прислонила к оконному стеклу сложенные лодочкой ладони и поглядела внутрь, на единственную комнату избушки.

Кабинет Ильи Владимировича хорошо освещал дневной свет, падающий из трех широких окон. Евдокия разглядела массивный письменный стол с компьютером, несколько книжных шкафов и потертый кожаный топчан с прямой жесткой спинкой. В ногах дивана лежал квадратный тюфячок Бурана. Стояла миска-поилка. Лежал облысевший теннисный мячик со следами зубов. На полу, справа от письменного стола, сыщица увидела размазанные кровавые пятна. Судя по штрихам-полоскам, кровь размазали собачьи лапы. Буран попытался броситься на убийцу своего хозяина, но не успел – остановила пуля.

«Н-да, – пытаюсь представить, что же здесь произошло, подумала Евдокия, – устраивать здесь видимость суицида – глупость несусветная. Верный пес убийце всю картину поломал, когда пробежался лапами по пятнам крови...»

Но кто же вообще смог подойти к хозяину обученной собаки?! Илья Владимирович не школьный учитель, он человек бывалый! А судя по звонку старинному приятелю, давно подозревал, что в доме не все гладко. Он даже дневники перестал хранить в кабинете.

Загадка. Как матерый фээсбешник позволил подойти на минимальное расстояние вооруженному человеку? Справа от стола и развернуться-то негде. Убийца должен был подойти вплотную.

Евдокия оторвала ладони от стекла, распрямилась. Марина Сомова права. Илью Владимировича мог убить только свой. Свой. Человек из ближайшего, тесного круга.

Из-за леса доносились глухие шлепки выстрелов, Дуся пристроила на лицо выражение пугливой глупости и повернулась к Милене:

– Кошмар какой. У вас тут целый день стрельба стоит?

– Да нет, – усмехнулась девушка. – Только когда ветер от полигона дует. А так тихо в основном.

– А вы на этот полигон ходите? Тоже там по тарелочкам стреляете?

Во взгляде Милены что-то изменилось, и Дуся запереживала – слишком в лоб ведет расспросы! Но внучка Ильи Муромца, выдержав короткую паузу, все-таки ответила:

– Вся наша семья члены спортивного клуба.

– И даже Ираида Генриховна?!

Милене рассмеялась:

– Нет, что ты. Бабушка и по комару газеткой промахнется! А вот Тереза как-то женские соревнования выиграла. Причем – у Аллы. – Милене тоскливо обернулась на виднеющуюся за соснами реку, перевела взгляд обратно на надоедливую любопытную гостью. – Так ты купаться не пойдешь? Скоро уже обедать...

«Простуженная» в Эмиратах Евдокия вынужденно отказалась. Отправилась к выделенным апартаментам, суммировать нарытую за утро информацию. Отсеивать перла от плевел.

Вечером был шашлык. Каждый раз, когда к Муромцевым наезжал друг Шаповалов, Илья Владимирович традиционно готовил это блюдо. Вчера мангал не разжигали, причина для застолья была печальной. Но на следующий день решили не отступать от обычая.

Пока Евгений и Максим колдовали над угольями, Евдокия уволокла «жениха» в сторону, где они и разругались из-за Дусиной «предубежденности» к Терезе. Евдокия нешуточно распереживалась, что на том их партнерство и закончится. Весь оставшийся вечер была паинькой. Вела себя как велено: к сыновьям Муромца не приближалась, держалась в стороне от двух профессионалов. Болтала только с дамами и критиком.

Послушание было оценено. Размолвка позабыта. Поздним вечером, сидя по-турецки на общей кровати, Дуся скромненько мякнула:

– Могу спросить?

– Валяй, – разрешил Шаповалов.

– Какие результаты? Удалось разыскать приятеля Сергея Коромыслова?

– Не удалось. Его убили.

Краткий ответ произвел на Евдокию впечатление разрыва шумовой гранаты.

– Как?! – потянувшись вперед всем телом, прошептала Дуся. – И его?!.. Когда?!

– Через полгода после убийства Сережи.

– А вы с ним раньше, когда убийство друга расследовали, говорили?!

– Да. – Николай Васильевич отвечал глухо, как будто заставляя себя продолжать разговор. Евдокия боялась, что так оно и будет! Дуся слабый собеседник для матерого разведчика. Но Николай Васильевич почему-то продолжал: – Мы не могли подозревать Замятина в убийстве Сережи, в тот день он был на работе. А прочих сведений Замятин не давал. Пару раз поговорили – отпустили.

– Почему?!

– А потому, что Сергея убили при попытке ограбления квартиры. В последние годы у него там проходной двор был!

– С ума сойти, – пробормотала Дуся. – А Максим ничего не знал, о том, что друга Коромыслова убили?

– Нет.

– Но почему?! Убийство произошло практически подряд за смертью Коромыслова!

Взгляд Шаповалова потяжелел. Дуся даже пожалела, что вообще спросила. Вопрос был слишком очевиден, так зачем специально на больное место надавливать?

– Завтра я возьму твой паспорт и куплю тебе билет на поезд, – негромко, но твердо произнес Васильевич. – Отвезти тебя на машине я не могу, поедешь на поезде.

– Поеду? – опешив, переспросила Евдокия. – Почему?

– Слишком много «почему», Дуся. Ты уезжаешь, и точка. Здесь становится опасно. Сегодня, когда я пытался разыскать жену Замятина, за мной следили.

– О боже, – простонала Евдокия. – Ты уверен?!

– В таких вещах не ошибаюсь.

Дуся рухнула головой на подушки, вытянулась, уставившись в потолок.

– Николай Васильевич. Мы здесь только сутки. Ничего существенного не нарыли. Кому мы на хвост наступили?!.. Точнее, ты. – «Жених» молчал, и Евдокия, повернувшись к нему боком, произнесла: – Может быть, дело в этой жене Замятина? Ты ее нашел или только пытался?

– На следующий день после похорон мужа Роза исчезла. Соседи рассказывают, что три дня сидела дома, никуда не выходила, если только с толпой провожатых, потом исчезла.

– Может, ее тоже убили?!

– Нет. Племянница Розу на поезд посадила, но куда тетка уехала девушка не знает.

– А если ее через паспортный стол пробить? Ты уже Максима об этом попросил?

Николай Васильевич не отвечал. На Дусю давила гнетущая тишина, чувствуя, как по спине пробежали мурашки, Евдокия прошептала:

– Ты ему не доверяешь?

– Я никому уже не доверяю, – вздохнул Васильевич.

– А к коллегам Муромца в ФСБ не пробовал обратиться? Сам же рассказывал, убийство бывшего шефа там на особом контроле находится.

– Глава областного управления в отпуске, но завтра я встречаюсь с его заместителем. После этого еду на вокзал, покупаю тебе билет на вечерний проходящий до Москвы. Проснешься, позвони Паршину, пусть послезавтра утром встретит тебя на перроне.

Ответ, но, главное, тон Шаповалова показали Дусе, что разговор окончен. Вероятно, всеми вышесказанными пугающими новостями Васильевич и делился лишь потому, что давал понять помощнице – здесь действительно становится опасно. Жена убитого Замятина это сразу просекла, раз свалила из города и следов не оставила.

Евдокия лежала на кровати, вытянувшись в струнку. Глядела вверх перед собой.

– Васильевич, ты знаешь, что кроме сыновей и Терезы к Бурану никто не мог во флигель войти?

– Знаю. А еще я узнал, откуда у Модеста дорогие часы. Ему их нежный друг из Москвы при расставании подарил. Они оба – больные на голову хронометрами. Модест часики уже два года носит практически не снимая, как память о потере, хотя и других хронометров – навалом, и все сплошь – презенты от дружка. Спи, Евдокия. Твоя работа здесь закончена, прости, если обидел отставкой.

– Да иди ты к черту, папочка.

* * *

С унылой Евдокией распрощались без сожаления. Довольная отъездом «погремушки» Тереза даже бутербродов ей в дорогу нарезала. Впервые вышедшая из своей комнаты бледная Елизавета Викторовна сказала, что не сможет быть на их свадьбе, и попросила:

– Берегите Колю, Инесса. Таких, как он, один на миллион. Илюшу вот я не сберегла...

Из глаз вдовы вновь побежали слезы, Шаповалов быстренько подхватил «невестушку» под локоток и повел ее к «Ниве».

Дуся от машины обернулась: Милена, обнимая Елизавету Викторовну за плечи, уводила ее в дом.

И без того скомканное прощание закончилось совсем печально. Евдокия чувствовала себя дезертиром. Но решения здесь принимала не она.

– Я тебе билет в СВ купил, – пристегивая ремень безопасности, сказал Васильевич. – Возьми из бардачка, билет в паспорт заложен.

Горькая пилюля в сладкой оболочке. Дуся сурово насупилась, положила в сумочку билет и паспорт, сумочку демонстративно забросила через плечо на заднее сиденье.

– Не вставай в позу, Дуська, – с показной веселостью проговорил «жених». – У меня для тебя поручение будет. В Москве встретишься с Мариной Сомовой, я пришлю на факс «Сфинкса» кое-какие документы, вы их с Паршиным к Марине отнесете. Работа вам найдется.

Пилюля становилась все более затейливой. Дабы избавить рот от елейной приторности, Евдокия поинтересовалась:

– Как прошла встреча с заместителем из ФСБ?

– А никак, – с непонятной лихостью ответил Шаповалов. – Сначала час в приемной мариновали, потом сухо намекнули – не лезь, дядя, не в свое дело.

– Да ну?

– Да вот, – в тон поддакнул Николай Васильевич. – Может, этому чинуше ботинки жали, может, похмельем мучался... В общем, зря ходил. Потому и отправляю тебя к Марине Сомовой, у нее здесь все схвачено. А я никто, я – ком с горы.

«Нива» резво уминала шинами отличную асфальтовую тропку до губернаторской резиденции. Петляла по густому сосняку. Вывернув из-за слепого поворота, Шаповалов резко надавил на тормоз!

Дорогу перегораживали столкнувшиеся лайбы: «газель» поцеловала «Ладу» в бампер. Происшествие кошмарным не выглядело. Существенно пострадали только фары, да переднее стекло жигуля осыпалось осколками внутрь салона.

Ужасало другое. Возле столкнувшихся машин затевалось нешуточное людское побоище: два мужика таскали друг друга за грудки, третий доставал из багажника «Лады» бейсбольную биту. О покоренный нос «газели» задом упиралась женщина, державшая на руках укутанного в пеленку младенца. В месте, где пеленка приникала к голове ребенка, расплылось огромное кровавое пятно. Женщина смотрела на мужчин и кричала. К мужику, что, судя по расположению, был водителем грузовичка, подбегал верзила с битой.

Женщина увидела вывернувшую из-за поворота «Ниву» и заголосила:

– Помогите!! Они сейчас моего мужа убьют!!!

Кошмар. В истерике она не видела, как промокает от крови пеленка на голове ее малыша. Волновалась о муже.

– Запрись! – вырывая из гнезда запор ремня безопасности, заорал Дусе Шаповалов. – Не выходи из машины!

Васильевич выпрыгнул из «Нивы» и понесся к драчунам.

Евдокия, суматошно разбираясь с плохо знакомым устройством отечественной машины, запуталась, не туда нажала и вместо того, чтоб зафиксировать двери, опустила стекло.

Высунула из окна голову, собираясь спросить Васильевича: «А куда здесь жать, чтобы закрылось?!» Но Шаповала уже подбежал к орущим драчунам.

Женщина только тут заметила, что ее ребенок ранен, принялась копошиться в пеленке...

Николай Васильевич врезался между дерущимися, как вепрь между грызущихся собак! Мужики разлетелись, но тут же ринулись на повторное сближение...

Мать раненного малыша извлекла из-под пеленки окровавленную руку, выбросила ее вперед...

Рука сжимала газовый баллончик. Струя из носика нацелилась на лицо Шаповалова.

Вероятно, Николай Васильевич ждал чего-то подобного. В последний момент он успел убрать голову от струи газа, согнуться...

Ошалевшая от скорости развития событий Евдокия повернулась назад – за мгновение до того, как отставной шпион подбежал к дерущимся, ей послышался за спиной порывание автомобильного движка...

И точно! В зад «Нивы» упирался кузов ЗИЛа. Дверцы грузовика уже начали приоткрываться.

Николай Васильевич и Дуся попали в отлично расставленную западню.

Решение бежать Евдокия приняла за долю секунды до того, как из ЗИЛа выпрыгнули два амбала. Рванув ручку дверцы, Дуся пихнула ее коленом и выкатилась на обочину. Краем левого глаза засекала, что происходит у столкнувшихся машин: на Николая Васильевича навалились всем скопом, противная баба пыталась просунуть руку в гущу мужских тел и побрызгать на Васильевича газом. Краем правого глаза лежащая на обочине Дуся заметила появившиеся на асфальте ноги в огромных кроссовках. Чуть выше над коленями болталась рука с зажатым пистолетом.

Больше Евдокия не раздумывала. Если ее сейчас возьмут в заложники, Васильевич сам руки вверх поднимет!

Дуся кубарем скатилась в придорожную канаву. Туда же, впрочем, и кроссовки спрыгнули.

Над Евдокией нависла небритая оскаленная рожа. Рожа была страшная, фиксатая. Пах – беззащитен.

Выгнувшись дугой, Евдокия врезала носком балетки в промежность неприятеля. От всей души вложилась! Так чтоб наверняка, за себя и за того парня.

Верзила хрюкнул, скорчился и молча рухнул.

Тут стоит коротко заметить, что шофер грузовика перестарался – слишком уж подпер хвост «Нивы», и посему, прежде чем добраться до канавы с Дусей, ему пришлось огибать машину вдоль бортов. Из-за кузова он не увидел, какая беда приключилась с его пассажиром, поспел к разбору и удивленно выматерился: в канаве почему-то валяется приятель и постанывает, в кустах мелькает зад улепетывающей жертвы.

Бегать Землероева любила. Много лет, в любую погоду Дуся надевала спортивный костюм и нарезала круги по близлежащему, незагазованному скверу. Однажды эта привычка спасла ее от тюрьмы. Сейчас спасала, кажется, от смерти.

Землероева бежала по красивейшему сосновому бору. Ноги удерживали приличную спринтерскую скорость. Размеренное дыхание опытной бегуни позволяло слышать, что творится за спиной.

За спиной творилось жуткое. О сосновые стволы бились, рассыпались и множились звуки погони. Доносились хриплые выкрики надорванных мужских глоток: «Я вижу эту суку!!! Вон, вон она!! Направо забирает!! Берем ее в клещи!!»

Мужчины зря кричали. Крик сбивает дыхание, суматоха отнимает силы. Крик показывает жертве направление погони.

Землероева летела словно птица, вырвавшаяся из силков. Выделывала шальные зигзаги, проверяла силу крыльев. Уходила. Молила Небеса, чтобы среди загонщиков не нашлось мужчины со здоровой печенью и чистыми легкими.

Курильщиков и выпивох всепогодная бегунья замотает.

Лишь бы не стреляли в спину!

Представив нацеленные в спину пистолеты, Евдокия запаниковала, заметалась между сосен, сбилась с темпа!

Нельзя. Заполненное дыхание препятствует грамотной вентиляции легких, организм не получает кислорода – очень скоро возникнет разбалансировка, начнется потеря ориентации.

Отметая панику, Дуся сосредоточилась на ритме. Вдох – раз, два, три – выдох!.. Вдох – раз, два, три, – выдох!..

Давно известно, что любое привычное занятие успешно подавляет панику. Как только Евдокия вошла в привычный ритм, представила, будто совершает вечернюю пробежку в родимом сквере, достаточное поступление кислорода прочистило голову от жутких мыслей. Дуся перестала воображать на собственной спине нарисованный круг мишени. Сосредоточилась на беге.

Вдох – раз, два, три, – выдох. Раз, два, три – вдох. Раз, два, три – выдох...

Выстрел! Пуля смачно врезалась в ближайший от Дуси сосновый ствол.

– Не стрелять!!

– Я по ногам!!! Она уходит!!

Евдокия перепрыгнула канаву, резко метнулась влево, к поросли пожухлого папоротника.

Преследователь переживал не зря. По левую руку от беглянки начинались густые заросли кустов орешника.

Чуть затуманенный страхом рассудок умудрился подсказать Евдокии, что колыхание веток укажет ее путь. Дуся на секунду спряталась на толстом, почерневшем от старости стволом березы и, опустившись на карачки, скрываемая перепутанными ветками, метнулась обратно! Обратно к небольшой канавке, как будто нарочно отделяющей сосновый бор от зарослей орешника.

На попе съехала вниз, забила под вывернутые корни рухнувшего дерева...

Вовремя! В нескольких метрах от нее через канаву перелетели ноги в знакомых кроссовках. Понеслись к кустам.

Придерживаясь рухнувшегося ствола, Дуся выбралась на гладкий мох сосняка, стремительно встала и вжалась спиной в дерево.

За канавой шуршали кусты и папоротник, враги были так близко, что Дуся слышала натужное, сиплое дыхание двух мужиков. Если бы хоть один из них оказался охотником или просто толковым парнем, след, где Евдокия сделала петлю, они бы нашли довольно быстро – сползая в ров, Дуся заметно обрушила его земляную кромку.

Но повезло. Мужики увлеченно исследовали папоротник.

Евдокия стремительно перешагнула за другую сосну. Замерла. Прислушалась. Увидела, что неподалеку начинается длинная полоска густого можжевельника, опустилась на карачки и, обдирая в кровь колени, поползла туда.

Рано или поздно мужики заметят обрушенный край канавы, поймут, что беглянка зашла им в спину.

Но Дуся уходила не обратным курсом, а направо. Пробралась вдоль можжевелевой поросли до редких тшедушных березок, встала во весь рост и побежала снова! Неслась как перепуганный кролик от волков, как шустрый стриж от пары ястребов, как мелкая рыбешка от садка-ловушки!

Начинающиеся сумерки размывали, растушевывали лес, очень скоро Евдокия поняла, что даже ее яркая цветастая юбка и белая спина стали невидимыми для погони. Но, так же понимая, что очень скоро в лесу будет совсем темно, бегунья максимально использовала светлое время для создания дистанции.

Как только окончательно стемнеет, бежать станет невозможно. Наткнуться на корягу, упасть и сломать шею или голову разбить – не лучший способ избавления.

Дуся бежала по серому, призрачному лесу, небо затягивали облака, ночь грозила стать безлунной.

...Пенек Землероева практически нашарила. Ногой. Уже минут десять она уговаривала себя остановиться, но все казалось – мало, мало она оторвалась! Сколько времени продолжалась погоня, как далеко позади остались преследователи, Дуся ответить не могла. За каждым кустом ей мерещились злобные оскаленные рожи, малейший звук заставлял подпрыгивать, пролетевшая над головой ночная птица чуть не прикончила: Евдокии показалось – сердце и желудок вывалились наружу!

Последние десять минут Евдокия шагала уже выставляя вперед растопыренные пальцы, ощупывала воздух впереди себя. Носком балетки наткнулась на пенек – едва не рухнула.

Остановилась. Села. Сгорбилась, свесив руки до земли, и замерла.

Отупевшая от шока голова звенела первозданной пустотой. Мысли в черепушке не рождались.

Дуся уткнулась носом в колени и всхлипнула.

Она одна. В ночном лесу. С ободранными коленками, поцарапанными в целом конечно-стями, потная и грязная. Пальцы вывалились из разорванных балеток еще километра полтора назад.

Кошмар. Фильм ужасов, показанный после полуночи.

Пить хочется – до смерти!

Дуся подняла вверх голову. Лес накрывала черная беззвездная крышка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.